

Тематические сборники «Переклички вестников»
Сборник № 94. «Пора туда, где будущего нет»

Выпуск № 20

Иннокентий Анненский

У гроба

В квартире прибрано. Белеют зеркала.
Как конь попоною, одет рояль забытый:
На консультации вчера здесь Смерть была
И дверь после себя оставила открытой.
Давно с календаря не обрывались дни,
Но тикают ещё часы его с комода,
А из угла глядит, свидетель агоний,
С рожком для синих губ подушка кислорода.
В недоумении открыл я мертвеца...
Сказать, что это я... весь этот ужас тела...
Иль Тайна бытия уж населить успела
Приют покинутый всем чуждого лица?

Даниил Андреев

из цикла «Тёмное видение»

Я вздрогнул: ночь? рассвет?... Нет, это зимний день
Сочился в комнату – лишь треть дневного света.
Казалось: каждый луч обрублен, точно пень,
И в панцирь ледников вползает вновь планета.

Заброшенное вглубь чудовищных пространств,
Озябшим стебельком дрожало молча тело,
И солнце чахлое, как погруженный в транс
Сновидец адских бурь, бесчувственно желтело.

Сливалась с ночью ночь, и трезвый календарь
Мне говорил, что так миллионы лет продлится,
И зренье странное, неведомое встарь,
Я направлял вокруг, на зданья, вещи, лица.

Не лица – *муть* толклась, как доктора Моро
Создания жуткие в сцепленьях нетопырких,
И тлел на дне зрачков, колюче и хитро,
Рассудок крошечный – единый поводырь их.

И, силясь охранить последний проблеск «я»,
Заплакала над ним душа, как над младенцем,
Припомнив, как он рос... уют и свет жилья...
Возню ребёночка и топотню по сенцам.

Сквозил, как решето, всей жизни углый кров
Структурой черепа... Ах, бедный, бедный Йорик!..
Да! видеть мир вот так – был первый из даров
На избранном пути: печален, трезв и горек.

1935

Выпуск № 743

Арсений Тарковский

Смерть никто, канцеляристка, дура,
Выжига, обшарканный подол,
У неё чертог – регистратура,
Канцелярский стул – её престол.

На губах клиента стынет слово,
Словно рыба разевает рот,
Если смерть, товарищ Иванова,
Арифмометр повернёт,

Подожьёт под номер пламень плотский,
Всё, чем горько мучилась душа,
Погашает росчерк идиотский
Синего её карандаша.

1947

Лариса Миллер

А на экране, на экране
И жизнь, и смерть; и слёз, и брани
Поток; и лес вздетых рук,
Но нету звука. Дайте звук.
О, неисправная система:
Беззвучно губят, любят немо.
Как в неозвученном кино,
Стучу в оглохшее окно,
Зову кого-то и за плечи
Трясу, не ведая, что речи,
Что дара речи лишена,
И вместо зова – тишина.

1982

Выпуск № 390

Лариса Миллер

Безумец, что затеял?!
Затеял жить на свете.
И кто тебе навеял
Блажные мысли эти?
Затея невозможна.
Почти невыполнима.
Любая веха ложна,
Любая данность мнима.
Скажи, тебе ли впору
Раздуть под ливнем пламень,
И на крутую гору
Вкатить Сизифов камень,
Того, кто всех дороже,
Оплакивать на тризне?
И ты воскликнул: «Что же
Бывает кроме жизни?»

1984

Александр Пушкин

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?

Кто меня враждебной властью
Из ничтожества воззвал,
Душу мне наполнил страстью
Ум сомненьем взволновал?

Цели нет передо мною:
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однозвучный жизни шум.

1828

Выпуск № 902

Михаил Лермонтов

Что толку жить!.. Без приключений
И с приключеньями – тоска
Везде, как беспокойный гений,
Как верная жена, близка;
Прекрасно с шумной быть толпою,
Сидеть за каменной стеною,
Любовь и ненависть сознать,
Чтоб раз об этом поболтать;
Невольно узнавать повсюду
Под гордой важностью лица,
В мужчине глупого льстеца
И в каждой женщине Иуду.
А потрудитесь рассмотреть –
Всё веселее умереть.

Конец! Как звучно это слово,
Как много – мало мыслей в нём;
Последний стон – и всё готово,
Без дальних справок – а потом?
Потом вас чинно в гроб положат,
И черви ваш скелет обгложут,

А там наследник в добрый час
Придавит монументом вас.
Простит вам каждую обиду
По доброте души своей,
Для пользы вашей (и церкви)
Отслужит, верно, панихиду,
Которой (я боюсь сказать)
Не суждено вам услышать.

И если вы скончались в вере,
Как христианин, то гранит
На сорок лет, по крайней мере,
Название ваше сохранит;
Когда ж стеснится уж кладбище,
То ваше узкое жилище
Разроют смелою рукой...
И гроб поставят к вам другой.
И молча ляжет с вами рядом
Девушка нежная, одна,
Мила, покорна, хоть бледна...
Но ни дыханием, ни взглядом
Не возмутится ваш покой –
Что за блаженство, Боже мой!

1832

Аполлон Григорьев

Тайна скуки

Скучаю я, – но, ради Бога,
Не придавайте слишком много
Значенья, смысла скуке той.
Скучаю я, как все скучают...
О чём?.. Один, кто это знает, –
И тот давно махнул рукой.

Скучать, бывало, было в моде,
Пожалуй, даже о погоде
Иль о былом – что всё равно...
А ныне, право, до того ли?
Мы все живём с умом без воли,
Нам даже помнить не дано.

И даже... Да, хотите – верьте,
Хотите – нет, но к самой смерти
Охоты смертной в сердце нет.
Хоть жить уж вовсе не забавно,
Но для чего ж не православно,
А самовольно кинуть свет?

Ведь ни добра, ни даже худа
Без непосредственного чуда
Нам жизнью нашей не нажить
В наш век пристойный... Часом ране
Иль позже – дьявол не в изъяне, –
Не в барышах ли, может быть?

Оставьте ж мысль – в зевоте скуки
Душевных ран, душевной муки
Искать неведомых следов...
Что вам до тайны тех страданий,
Тех фосфорических сияний
От гнили, тленья и гробов?..

Выпуск № 1218

Иннокентий Анненский

Зимний сон

Вот газеты свежий номер,
Объявленье в чёрной раме:
Несомненно, что я умер,
И, увы! не в мелодраме.

Шаг родных так осторожен,
Будто всё ещё я болен,
Я ж могу ли быть доволен,
С тюфяка на стол положен?

День и ночь пойдут Давиды,
Да священники в енотах,
Да рыданье панихиды
В позументах и камлотах.

А в лицо мне лить саженым
Копоть велено кандилам,
Да в молчаньи напряженном
Лязгать дьякону кадиллом.

Если что-нибудь осталось
От того, что было мною,
Этот ужас, эту жалость
Вы обвейте пеленою.

В белом поле до рассвета
Свиток белый схороните...

.....

А покуда... удалите
Хоть басов из кабинета.

Козьма Прутков
(Алексей Толстой)

ЦЕРЕМОНИАЛ

ПОГРЕБЕНИЯ ТЕЛА В БОЗЕ УСОПШЕГО
ПОРУЧИКА И КАВАЛЕРА ФАДДЕЯ КОЗЬМИЧА П.....

Составлен аудитором вместе с полковым
адъютантом 22-го февраля 1821 года,
в Житомирской губернии, близ города
Радзивиллова.

Утверждаю. Полковник*.

"1"

Впереди идут два горниста,
Играют отчётисто и чисто.

"2"

Идёт прапорщик Густав Бауер,
На шляпе и фалдах несёт трауер.

"3"

По обычаю, искони заведённому,
Идёт майор, пеший по-конному.

"4"

Идёт каптенармус во главе капральства,
Пожирает глазами начальство.

"5"

Два фурлейта ведут кобылу.
Она ступает тяжело и уныло.

"6"

Это та самая кляча,
На которой ездил виновник плача.

"7"

Идёт с печальным видом казначей,
Проливает слёзный ручей.

"8"

Идут хлебопеки и квартирьеры,
Хвалят покойника манеры.

"9"

Идёт аудитор, надрывается,
С похвалою о нём отзывается.

"10"

Едет в коляске полковой врач,
Печальным лицом умножает плач.

"11"

На козлах сидит фершал из Севастополя,
Поёт плачевно: «Не одна во поле...»

"12"

Идёт с кастрюлею квартирмейстер,
Несёт для кутьи крахмальный клейстер.

"13"

Идёт майорская Василиса,
Несёт тарелку, полную риса.

"14"

Идёт с блюдечком отец Герасим,
Несёт изюму гривен на семь.

"15"

Идёт первой роты фельдфебель,
Несёт необходимую мебель.

"16"

Три бабы, с флёром вокруг повойника,
Несут любимые блюда покойника:

"17"

Ножки, печёнку и пупок под соусом;
Все три они вопят жалобным голосом.

"18"

Идут Буренин и Суворин,
Их плач о покойнике непритворен.

"19"

Идёт, повеся голову, Корш,
Рыдает и фыркает, как морж.

"20"

Идут гуси, индейки и утки,
Здесь помещённые боле для шутки.

"21"

Идёт мокрая от слёз курица,
Не то смеётся, не то хмурится.

"22"

Едет сама траурная колесница,
На балдахине поёт райская птица.

"23"

Идёт слабосильная команда с шанцевым инструментом,
За ней телега с кирпичом и цементом.

"24"

Между двух прохвостов идёт уездный зодчий,
Рыдает изо всей мочи.

"25"

Идут четыре ветеринара,
С клистирами на случай пожара.

"26"

Гг. юнкера несут регалии:
Пряжку, темляк, репеек и так далее.

"27"

Идут гг. офицеры по два в ряд,
О новой вакансии говорят.

"28"

Идут славянофилы и нигилисты,
У тех и у других ногти не чисты.

"29"

Ибо, если они не сходятся в теории вероятности,
То сходятся в неопрятности.

"30"

И поэтому нет ничего слюнявее и плюгавее
Русского безбожия и православия.

"31"

На краю разверстой могилы
Имеют спорить нигилисты и славянофилы.

"32"

Первые утверждают, что кто умрёт,
Тот весь обращается в кислород.

"33"

Вторые – что он входит в небесные угодия
И делается братчиком Кирилла-Мефодия.

"34"

И что верные вести оттудова
Получила сама графиня Блудова.

"35"

Для решения этого спора
Стороны приглашают аудитора.

"36"

Аудитор говорит: «Рай-диди-рай!
Покойник отправился прямо в рай».

"37"

С этим отец Герасим соглашается,
И погребение совершается...

Исполнить, как сказано выше.
Полковник ***.

* Для себя я, разумеется, места не назначил. Как начальник, я должен быть в одно время везде и предоставляю себе разъезжать по линии и вдоль колонны.

Примечание полкового адъютанта.

После тройного залпа из ружей, в виде последнего салюта человеку и товарищу, г. полковник вынул из заднего кармана батистовый платок и, отерев им слёзы, произнёс следующую речь:

"1"

Гг. штаб- и обер-офицеры!
Мы проводили товарища до последней квартиры.

"2"

Отдадим же долг его добродетели:
Он умом равен Аристотелю.

"3"

Стратегикой уподоблялся на войне
Самому Кутузову и Жомини.

"4"

Бескорыстием был равен Аристиду –
Но его сразила простуда.

"5"

Он был красою человечества,
Помянем же добром его качества.

"6"

Гг. офицеры, после погребения
Прошу вас всех к себе на собрание.

"7"

Я поручил юнкеру фон Бокт
Устроить нечто вроде пикника.

"8"

Это будет и закуска, и вместе обед –
Итак, левое плечо вперёд.

"9"

Заплатить придётся очень мало,
Не более пяти рублей с рыла.

"10"

Разойдёмся не прежде, как ввечеру –
Да здравствует Россия – ура!!

Примечание отца Герасима.

Видяй сломицу в оке ближнего, не зрит в своём ниже бруса. Строг и свиреп бывши к рифмам ближнего твоего, сам же, аки свинья непотребная, рифмы негодные и уху зело вредящие сплел еси. Иди в огонь вечный, анафема.

Примечание рукою полковника.

Посадить Герасима под арест за эту отметку. Изготовить от моего имени отношение ко владыке, что Герасим искажает текст, называя сучец – сломицею. Это всё равно, что если б я отворот назвал погонами.

Доклад полкового адъютанта.

Так как отец Герасим есть некоторым образом духовное лицо, находящееся в прямой зависимости от Консистории и Св. Синода, то не будет ли отчасти неловко подвергнуть его мере административной посадением его под арест, установленный более для проступков по военной части.

Отметка полковника.

А мне что за дело. Всё-таки посадить после пикника.

Примечание полкового адъютанта.

Узнав о намерении полковника, отец Герасим изготовил донос графу Аракчееву, в котором объяснял, что полковник два года не был на исповеди. О том же изготовил он донос и к архипастырю Фотию и прочёл на пикнике полковнику отпусти. Однако, когда подали горячее, не отказался пить за здоровье полковника, причём полковник выпил и за его здоровье. Это повторялось несколько раз, и после бланманже и суфле-вертю, когда гг. офицеры танцевали вприсядку, полковник и отец Герасим

обнялись и со слезами на глазах сделали три тура мазурки, а дело предали забвению. При этом был отдан приказ, чтобы гг. офицеры и юнкера, а равно и нижние чины не смели исповедываться у посторонних иереев, а только у отца Герасима, под опасением для гг. офицеров трехнедельного ареста, для гг. юнкеров дежурств при помойной яме, а для нижних чинов телесного наказания.

Выпуск № 748

Михаил Лермонтов

Смерть

Оборвана цепь жизни молодой,
Окончен путь, бил час, пора домой,
Пора туда, где будущего нет,
Ни прошлого, ни вечности, ни лет;
Где нет ни ожиданий, ни страстей,
Ни горьких слёз, ни славы, ни честей;
Где вспоминанье спит глубоким сном,
И сердце в тесном доме гробовом
Не чувствует, что червь его грызёт.
Пора. Устал я от земных забот.
Ужель бездушных удовольствий шум,
Ужели пытки бесполезных дум,
Ужель самолюбивая толпа,
Которая от мудрости глупа,
Ужели дев коварная любовь
Прельстят меня перед кончиной вновь?
Ужели захочу я жить опять,
Чтобы душой по-прежнему страдать
И столько же любить? Всесильный Бог,
Ты знал: я долее терпеть не мог;
Пускай меня обхватит целый ад,
Пусть буду мучиться, я рад, я рад,
Хотя бы вдвое против прошлых дней,
Но только дальше, дальше от людей.

1830-1831

Давид Самойлов

Химера самосохраненья!
О, разве можно сохранить
Невыветренными каменя
И незапутанною нить!

Но ежели по чьей-то воле
Убережешься ты один
От ярости и алкоголя,
Рождающих холестерин;

От совести, от никотина,
От каверзы и от ружья, —
Ведь всё равно невозвратима
Незамутнённость бытия.

Но есть возвышенная старость,
Что грозно вызревает в нас,
И всю накопленную ярость
Приберегает про запас,

Что ждёт назначенного срока
И вдруг отбрасывает щит.
И тычет в нас перстом пророка
И хриплым голосом кричит.

Выпуск № 1259

Лариса Миллер

На земле-то жить нельзя.
И недаром у Шагала
Пешеходов крайне мало,
Все живут, летя, скользя
Над поверхностью земной.
И фигуры Боттичелли
Не к земной стремятся цели,
А к какой-нибудь иной.
Все они удлинены,
Будто тянутся куда-то
К небесам, что в час заката
И зари воспалены...

На земле ведь жизни нет.
В этом каждый убедился:
Кто-нибудь – когда родился,
А другой – на склоне лет.

1998

Бахыт Кенжеев

Законы физики высокой
мы постигаем с каждым днём:
крошится зуб, слабеет око,
вот-вот сорвёмся, поплывём

мирами газовых скитаний,
и смерть положенной порой
стоит не райскими вратами,
а гнусной чёрною дырой.

Я огорчил тебя? Ну что ты!
Жизнь – это жизнь, её не след
судить за ямы и пустоты
в вокзальной очереди лет.

Ведь умный физики не знает
и в биологии не спец.
Он незаметно умирает
и воскресает наконец.

Не узнаваемый живыми,
сжигает звёзды по одной
и забывает даже имя,
своей печали ледяной...

Выпуск № 1304

Александр Блок

из цикла «Жизнь моего друга»

Говорят ЧЕРТИ:

Греши, пока тебя волнуют
Твои невинные грехи,
Пока красавицу колдуют
Твои греховные стихи.

На утешенье, на забаву
Пей искромётное вино,
Пока вино тебе по нраву,
Пока не тягостно оно.

Сверкнут ли дерзостные очи –
Ты их сверканий не отринь,
Грехам, вину и страстной ночи
Шепча заветное «аминь».

Ведь всё равно – очарованье
Пройдёт, и в сумасшедший час
Ты, в исступлённом покаяньи,
Проклясть замыслишь бедных, нас.

И станешь падать – но толпою
Мы все, как ангелы, чисты,
Тебя подхватим, чтоб пятою
О камень не преткнулся ты...

1915

Говорит СМЕРТЬ:

Когда осилила тревога,
И он в тоске обезумел,
Он разучился славить Бога
И песни грешные запел.

Но, оторопью обуянный,
Он прозревал, и смутный рой

Былых видений, образ странный
Его преследовал порой.

Но он измучился – и ранний
Жар юности простыл – и вот
Тщета святых воспоминаний
Пред ним медлительно встаёт.

Он больше ни во что не верит,
Себя лишь хочет обмануть,
А сам – к моей блаженной двери
Отыскивает вяло путь.

С него довольно славить Бога –
Уж он – не голос, только – стон.
Я отворю. Пускай немного
Ещё помучается он.

1915

Михаил Лермонтов

Ночь. II

Погаснул день! – и тьма ночная своды
Небесные как саваном покрыла.
Кой-где во тьме вертелись и мелькали
Светящиеся точки,
И между них земля вертелась наша;
На ней, спокойствием объятой тихим,
Уснуло всё – и я один лишь не спал.
Один я не спал... страшным полусветом,
Меж радостью и горестью серединой,
Моё теснилось сердце – и желал я
Веселие или печаль умножить
Воспоминаньем о убитой жизни:
Последнее, однако, было легче!..

Вот с запада *Скелет* неизмеримый
По мрачным сводам начал подниматься
И звёзды заслонил собою...
И целые миры пред ним уничтожались,
И всё трещало под его шагами, –
Ничтожество за ними оставалось –

И вот приблизился к земному шару
Гигант всеильный – всё на ней уснуло,
Ничто встревожиться не мыслило – единый,
Единый смертный видел, что не дай Бог
Созданию живому видеть...
И вот *он* поднял костяные руки –
И в каждой *он* держал по человеку,
Дрожащему – и мне они знакомы были –
И кинул взор на них я – и заплакал!
И странный голос вдруг раздался: «Малодушный!
Сын праха и забвения, не ты ли,
Изнемогая в муках нестерпимых,
Ко мне взывал – я здесь: я смерть!..
Моё владычество безбрежно!..
Вот двое. – Ты их знаешь – ты любил их...
Один из них погибнет. – Позволяю
Определить неизбежимый жребий...
И ты умрёшь, и в вечности погибнешь –
И их нигде, нигде вторично не увидишь –
Знай, как исчезнет время, так и люди,
Его рожденье – только Бог лишь вечен...
Решись, несчастный!..»

Тут невольный трепет

По мне мгновенно начал разливаться,
И зубы, крепко застучав, мешали
Словам жестоким вырваться из груди;
И наконец, преодолев свой ужас,
К скелету я воскликнул: «Оба, оба!..
Я верю: нет свиданья – нет разлуки!..
Они довольно жили, чтобы вечно
Продлилось их наказание.
Ах! – и меня возьми, земного червя –
И землю раздробь, гнездо разврата,
Безумства и печали!..
Всё, всё берёт она у нас обманом
И не дарит нам ничего – кроме рожденья!..
Проклятье этому подарку!..
Мы без него тебя бы не знали,
Поэтому и тщетной, бедной жизни,
Где нет надежд – и всюду опасенья.
Да гибнут же друзья мои, да гибнут!..
Лишь об одном я буду плакать:
Зачем они не дети!..»

И видел я, как руки костяные
Моих друзей сдавили, – их не стало –
Не стало даже призраков и теней...
Туманом облачился образ смерти,
И – так пошёл на север. Долго, долго,
Ломая руки и глотая слёзы,
Я на Творца роптал, страшась молиться!

1830

Выпуск № 991

Александр Блок

из цикла

«Заклятие огнём и мраком»

По улицам метель метёт,
Свивается, шатается.
Мне кто-то руку подаёт
И кто-то улыбается.

Ведёт – и вижу: глубина,
Гранитом тёмным сжатая.
Течёт она, поёт она,
Зовёт она, проклятая.

Я подхожу и отхожу,
И замер в смутном трепете:
Вот только перейду между –
И буду в струйном лепете.

И шепчет он – не отогнать
(И воля уничтожена):
«Пойми: уменьем умирать
Душа облагорожена.

Пойми, пойми, ты одиночек,
Как сладки тайны холода...
Взгляни, взгляни в холодный ток,
Где всё навеки молодо...»

Бегу! Пусти, проклятый, прочь!
Не мучь ты, не испытывай!

Уйду я в поле, в снег и в ночь,
Забьюсь под куст раkitовый!

Там воля всех вольнее воль
Не приневолит вольного,
И более всех больнее боль
Вернёт с пути окольного!

1907

Михаил Лермонтов

Смерть

Ласкаемый цветущими мечтами,
Я тихо спал и вдруг я пробудился,
Но пробужденье тоже было сон;
И думая, что цепь обманчивых
Видений мной разрушена, я вдвое
Обманут был воображеньем, если
Одно воображение *творит*
Тот новый мир, который заставляет
Нас презирать бесчувственную землю.
Казалось мне, что смерть дыханьем хладным
Уж начинала кровь мою студить;
Не часто сердце билось, но крепко,
С болезненным каким-то содроганьем,
И тело, видя свой конец, старалось
Вновь удержать души нетерпеливой
Порывы, но товарищу быломu
С досадою душа внимала, и укоры
Их расставанье сделали печальным.
Между двух жизней в страшном промежутке
Надежд и сожалений, ни об той,
Ни об другой не мыслил я, одно
Сомненье волновало грудь мою,
Последнее сомненье! я не мог
Понять, как можно чувствовать блаженство
Иль горькие страдания далеко
От той земли, где в первый раз я понял,
Что я живу, что жизнь моя безбрежна,
Где жадно я искал самопознания,
Где столько я любил и потерял,

Любил согласно с этим бранным телом,
Без коего любви не понимал я.
Так думал я и вдруг душой забылся,
И чрез мгновенье снова жил я,
Но не видал вокруг себя предметов
Земных и более не помнил я
Ни боли, ни тяжелых беспокойств
О будущей судьбе моей и смерти:
Всё было мне так ясно и понятно
И ни о чём себя не вопрошал я,
Как будто бы вернулся я туда,
Где долго жил, где всё известно мне,
И лишь едва чувствительная тягость
В моем полёте мне напоминала
Моё земное краткое изгнанье.
Вдруг предо мной в пространстве бесконечном
С великим шумом развернулась книга
Под неизвестною рукой. И много
Написано в ней было. Но лишь мой
Ужасный жребий ясно для меня
Начертан был кровавыми словами:
Бесплотный дух, иди и возвратись
На землю. Вдруг пред мной исчезла книга,
И опустело небо голубое;
Ни ангел, ни печальный демон ада
Не рассекал крылом полей воздушных,
Лишь тусклые планеты, пробегая,
Едва кидали искру на пути.
Я вздрогнул, прочитав свой жребий.
Как? Мне лететь опять на эту землю,
Чтоб увидеть ряды тех зол, которым
Причиной были детские ошибки?
Увижу я страдания людей
И тайных мук ничтожные причины,
И к счастью людей увижу средства,
И невозможно будет научить их.

Но так и быть, лечу на землю. Первый
Предмет – могила с пышным мавзолеем,
Под коим труп мой люди схоронили.
И захотелось мне в гроб проникнуть,
И я сошёл в темницу, длинный гроб,
Где гнил мой труп, и там остался я.
Здесь кость была уже видна, здесь мясо
Кусками синее висело, жилы там
Я примечал с засохшею в них кровью.

С отчаяньем сидел я и взирал,
Как быстро насекомые роились
И жадно поедали пищу смерти.
Червяк то выползал из впадин глаз,
То вновь скрывался в безобразный череп.
И что же? каждое его движенье
Меня терзало судорожной болью.
Я должен был смотреть на гибель друга,
Так долго жившего с моей душою,
Последнего, единственного друга,
Делившего её печаль и радость,
И я помочь желал, но тщетно, тщетно.
Уничтоженья быстрые следы
Текли по нём, и черви умножались,
И спорили за пищу остальную,
И смрадную, сырую кожу грызли.
Остались кости, и они исчезли,
И прах один лежал наместо тела.
Одной исполнен мрачною надеждой,
Я припадал на бранные остатки,
Стараясь их дыханием согреть
Иль оживить моей бессмертной жизнью;
О, сколько б отдал я тогда земных
Блаженств, чтоб хоть одну, одну минуту
Почувствовать в них теплоту. Напрасно,
Закону лишь послушные, они
Остались хладны, хладны, как презренье.

Тогда изрек я дикие проклятья
На моего отца и мать, на всех людей.
С отчаяньем бессмертья долго, долго,
Жестокого свидетель разрушенья,
Я на Творца роптал, страшась молиться,
И я хотел изречь хулы на небо,
Хотел сказать...
Но замер голос мой, и я *проснулся*.

1830-1831